

Тук-тук-тук.

После трех негромких ударов в комнату вошла вдова Цай.

Цзун Ванчуань к этому времени уже уложил одежду в чемодан и как раз зачехлял ноутбук. Увидев хозяйку, он вежливо улыбнулся:

— Хозяйка, вы что-то хотели?

— Да ничего особенного. Увидела, что вы собираетесь, и на душе как-то тоскливо стало, — вдова Цай придвинула стул и присела. — Есть минутка? Я бы хотела рассказать вам одну историю.

— О чем же эта история?

Цзун Ванчуань отвечал вскользь, почти не скрывая спешки. Им с Сяо Мином нужно было покинуть деревню Ли до того, как жители, отправившиеся в Луаньфэнган за костями, обнаружат пропажу останков Ван Цзин.

Однако вдова словно не заметила его холодности. Она неспешно налила себе чашку чая и начала:

— Больше сорока лет назад в пригороде Биньчжоу жила семья по фамилии Цай. Было у них четыре дочери: Да-я, Эр-я, Сань-я и Сы-я. Как и многие в те времена, мать девочек не смела поднять голову перед соседями, ведь она родила четверых девок кряду. Но отец, когда на свет появилась четвертая, принял твердое решение. Он понял, что сына ему не видать, и решил растить дочерей как наследников. Каждую он отправил учиться, чтобы злые языки наконец заткнулись.

Дочери не подвели: учились лучше всех, одна за другой поступили в старшую школу. Но больше всех отличилась младшая, Сы-я — она умудрилась попасть в лучшую школу уезда. Вот только за день до того, как она должна была явиться на учебу, Сы-я бесследно исчезла.

Услышав это, Цзун Ванчуань понял: вдова рассказывает собственную биографию. Передав сумку с ноутбуком Сяо Мину, он серьезно спросил:

— Почему она исчезла? Что произошло?

— С ней случилась беда, — голос вдовы Цай пропитался глубокой, многолетней усталостью. — Она была слишком молода и не знала, как черны человеческие сердца. Получив уведомление о зачислении, Сы-я взяла пять десятиюаневых купюр, что дали ей родители, и отправилась с подружками в поселок — купить обновок. Она и не подозревала, что «подружки» люто ей завидовали. То ли от собственной злобы, то ли по наущению родных, одна из девчонок завела

её в магазин одежды к своему родственнику. Под предлогом того, что пойдет купит всем мороженого, она оставила Сы-я одну в этой лавке на целых три часа. Что было дальше, думаю, вы и сами догадаетесь.

— Догадываюсь... — в голосе Цзун Ванчуаня прозвучала глухая боль.

Вдова Цай продолжала:

— Тридцать лет назад нравы были куда суровее. Для девочки, которая не видела ничего, кроме учебников, подобное стало концом света. Она не посмела дожидаться подруг: кое-как оправив одежду, выскользнула через заднюю дверь. Домой идти боялась — брела по улицам как в тумане, пока ее не подобрала какая-то добродушная на вид женщина. Та окружила ее заботой, накормила лапшой и ласково спросила, уж не поссорилась ли она с родителями, раз не хочет возвращаться? Сы-я кивнула. Тогда женщина спросила: не хочет ли она поехать на заработки в большой город? Сы-я, чувствуя себя опозоренной и не достойной смотреть родителям в глаза, согласилась. И вот...

После трех суток тряски в пути эта «добрая женщина» привезла ее в горную глухомань. Она сказала, что здесь живут прекрасные люди, и предложила Сы-я отдохнуть пару дней. Девочка поверила и, рассыпаясь в благодарностях, проводила ее. А той же ночью в комнату к Сы-я ввалился местный мужик — спать с ней. Она сопротивлялась, а он орал: «Я за тебя три сотни юаней отвалил не для того, чтобы как барыню обслуживать!» Так пятнадцатилетняя Сы-я стала женой тридцатилетнего мужика. Свекровь попрекала ее тем, что она досталась им «порченой», и сваливала на нее всю самую грязную и тяжелую работу. И только когда Сы-я родила им сына, ее жизнь стала хоть немного терпимей.

— Неужели она не пыталась бежать? — спросил Цзун Ванчуань.

— Как не пытаться? Хотела, и не раз. Но двадцать лет назад в деревне Ли даже дорог нормальных не было: спереди горы, сзади горы. Да и куда мне было идти? К родителям? К сестрам? Спустя столько лет они наверняка переехали, отчаялись меня искать или решили, что я давно в земле лежу... К тому же, когда мне наконец представился случай бежать, в животе... в животе уже был ребенок от семьи Ли...

— Хозяйка, вы через ад прошли, — с искренним состраданием произнес Цзун Ванчуань.

— Все это в прошлом, — вдова Цай смахнула слезу. — Тогда я думала: рожу и уйду одна. У Ли будет наследник, вряд ли они станут меня ловить. Но когда малыш появился на свет... сердце дрогнуло. Я знала, что он — плод насилия, знала, что не должна любить это отродье... Но как вспомню, что он десять месяцев жил под моим сердцем, как вспомню ту боль и муки, когда его рожала... я просто... не смогла его бросить. А забрать его с собой было невозможно. В итоге я, как и другие украденные женщины, осталась гнить в этой нищей, забытой богом дыре ради ребенка...

— А что было потом?

— Потом я отравила своего мужика крысиным ядом. Он вечно попрекал меня тем случаем в магазине, заставлял пахать в поле как лошадь и часто бил сына, орал, что тот небось не от него. Когда я овдовела, староста что-то заподозрил. Тогда я сама его окрутила, стала его любовницей — так и выторговала нам с сыном сытую жизнь. А когда парню исполнилось двадцать, я захотела найти ему образованную жену. Но где в этих краях найти грамотную девку? Снова пошла к старосте. Его племянник свел меня с одной торговкой. Та сказала: готовь десять тысяч юаней, и я достану тебе студентку. Разве не иронично? Бывшая рабыня, став свекровью, сама купила жену сыну! Я чувствовала, что превратилась в посмешище, но всё равно сделала это. Отдала десять тысяч за Чжоу Сяося... и купила себе собственное возмездие.

— Почему возмездие? — уточнил Цзун Ванчуань.

Вдова Цай горько усмехнулась в ответ:

— Разве такая невестка, как Чжоу Сяося — не кара небесная?

— Я считаю, вы это заслужили, — вставил Сяо Мин со своей привычной язвительностью. — Не забывай, ее тоже украли. Она никогда не хотела быть частью твоей семьи, ровно так же, как и ты когда-то.

— И то правда. Она ведь купленная. Она ненавидит нас всех и мстит нам как может, — вдова Цай печально улыбнулась. — Сяо Цзун, я хочу попросить тебя об одном одолжении.

— О чем именно? — Цзун Ванчуань насторожился.

Вдова выложила на стол сверток, перевязанный платком.

— Когда будете уезжать, заберите мою невестку с собой. Это деньги — плата за вашу помощь.

— Зачем вам это? — удивился Цзун Ванчуань.

Вдова Цай вымученно улыбнулась:

— Я прожила здесь полжизни и навидалась всякой грязи. Я знаю, что Ли Сяохун ненавидит эту деревню и хочет погубить её до основания. Знаю, сколько грехов на мне висит, и не боюсь расплаты. Но Чжоу Сяося... Она так и не родила моему сыну наследника, но во всем остальном повторяет мою судьбу... Ее грехи — на моей совести. Если я отпущу ее, возможно, это хоть немного зачтется мне в следующей жизни...

— Отпустить её? — Цзун Ванчуань не спешил брать деньги. Ему казалось, что за словами вдовы кроется что-то еще.

Заметив его колебания, вдова Цай понизила голос:

— То, что вы ходили в Луаньфэнган за костями...

В этот миг Сяо Мин похолодел; он смотрел с алым отблеском в глазах.

— Старая карга, ты нам угрожать вздумала?!

Цзун Ванчуань жестом остановил Сяо Мина и мягко спросил:

— Что вам известно? И как давно?

— С того самого момента, как ты начал расспрашивать про учителей из Начальной школы «Надежда» деревни Ли. Я поняла, зачем вы здесь. Вы разрушите эту деревню. Но я не собираюсь вас выдавать.

— Почему?

— Потому что те учителя были великими людьми. Они принесли в деревню Ли надежду, хоть эта надежда в итоге и... эх... — Вдова Цай вздохнула, глядя в окно. — В деревне, кажется, уже пронюхали, что вы выкопали кости учителя Ван в Луаньфэнгане. Решайте быстрее: заберете Чжоу Сяося или...

— Мы и так собирались ее забрать, — ответил Цзун Ванчуань. — Она — ключевой свидетель.

Услышав это, вдова Цай с облегчением выдохнула и направилась к выходу. Заметив, что сверток остался на столе, Цзун Ванчуань схватил его и бросился вдогонку, чтобы вернуть деньги, но вдруг...

— А-а-а!

У самого порога раздался истошный крик. Вдова Цай обмякла, и перед глазами Цзуна предстало искаженное яростью лицо Чжоу Сяося.

Цзун Ванчуань замер в шоке:

— Чжоу Сяося! Что ты натворила?!

Девушка будто очнулась. Она в ужасе отбросила окровавленный нож для забоя скота и зашла в рыданиях:

— Простите! Я не хотела! Я... я просто так сильно хочу убраться отсюда... Я увидела у вас в руках этот сверток и подумала, что она пришла помешать... что она хочет оставить меня здесь...

— Она пришла просить, чтобы мы тебя спасли, — с тяжелым сердцем произнес Цзун Ванчуань, поднимая сверток. — Эти две тысячи юаней она отдала нам, чтобы мы вывезли тебя отсюда.

— Что?!

Чжоу Сяоя рухнула на колени, пытаясь зажать рану истекающей кровью свекрови:

— Матушка... вы... как же так...

Вдова Цай с трудом приподняла голову и прошептала ей на ухо, захлебываясь:

— Не бойся... про ту тайну, которой ты больше всего стыдилась... я никому не сказала... Унесу её с собой в могилу... никто не узнает...

— Матушка! — Чжоу Сяоя зарыдала навзрыд.

Цзун Ванчуань бросился на помощь, пытаясь остановить кровотечение:

— Сяо Мин! Да иди же ты сюда, черт тебя дери, помоги!

<http://bllate.org/book/17576/1714627>